

Сегодня мы вспоминаем поэтов Серебряного века: Константина Бальмонта, Максимилиана Волошина, Игоря Северянина, Велимира Хлебникова. И если первые – признанные звёзды поэтического неба Серебряного века, то Велимир Хлебников, столетие ухода которого мы отмечаем в этом году, – поэт-бессеребренник страннического образа жизни – до сих пор не совсем понят нами. И всё же удивительный пласт поэзии с его символистами, акмеистами, футуристами и крестьянскими поэтами, пусть и отодвинутый временем, излучает свою энергию и поныне.

Варлам Шаламов – в июне этого года отмечается 115 лет со дня рождения поэта и прозаика, автора пяти поэтических сборников и всему миру известной автобиографической прозы. Все, кто читал «Колымские рассказы», получали сильнейшее впечатление и удивлялись, как можно было найти такие выразительные средства для описания ужасного, непредставимого опыта. Однажды прикоснувшись, будем помнить «ожог» и благодарить писателя.

Константин Бальмонт

(1867–1942)

Я – кудесник изысканной речи,
я – ключи от весеннего дня!
Никому невозможно отнять
волны моря, сердечные встречи.

Строки, словно горящие свечи,
а душа – для других западня.
Кто способен поэта понять,
тот грядущее словом излечит.

Если дали зовут неустанно
и мечта – мироздания данность,
рвите пути из жизненных дряг!

Утолите тоску непременно
властью вёсел весёлой вселенной,
я – предвестник космических ласк!

Максимилиан Волошин

(1877–1932)

Нет горше на земле трепещущей полыни,
когда её сечёт сухой колючий ветер,
когда скала, рождённая из тёмных недр,
закрывать не может пасть разъятую пустыни.

Гнетёт жар исполина – тонкую тростину.
Чуть дрогнет светлый мир, к нему взметнётся мэтр
(к живому он всегда открытым сердцем щедр)
принять всё на себя – за вечные святыни.

Но помнят о тебе, о пленник Персефоны,
гексаметры валов божественные звоны,
кипящий берег, кряж, глухие голоса.

Летит твоя ладья на белый выплеск пены,
уверовав в предназначение вербены,
бесстрашно времени расправив паруса.

Игорь Северянин

(1887–1941)

Диптих

1

Испив сирени буйствующей пунш,
остатки выплеснув на дно канавы,
он, не боясь иронии отравы,
бросал себя под лироструйный душ.

Любовь играла вымученно туш.
И умирала публика от «браво»,
когда поэзой он лечил от славы
седых юнцов, молоденьких кликуш.

И, зная, что не пишут не любя,
от сердца пел на побережье Суды
и навсегда остался неподсуден,
читая веку, собственно, себя.

Но никогда фиалка не завянет
в твоём венке, о Игорь Северянин!

Нашёл не то, о чём мечтал всю жизнь,
 перебирая рифмы в ритурнели.
 Его дизель, пристроясь на панели,
 тянула длань под горькие гроши.

Приемля только в сердце мятежи,
 она цвела на бархате фланели,
 но, удержав секрет полишинеля,
 могла сирень культурно обслужить.

Припудренно известно всё о нём:
 ландо, поэзы, грёзы под вино,
 иронией пронзённые напевы.

И на его – идти б колокола,
 поверив в золотые купола
 и в то, что он среди поэтов первый.

Велимир Хлебников

(1885 – 1922)

Бобэоби пелись губы...

Бэби Гоби
 табу бабе
 буби обе
 бубен абенд

байка робе
 бойкий врубель
 турбо робит
 войлок губы

боб Эреб и
Ядду с бунтом
слепо лепят
даду будто

асса Асархададдон
закатай меня в бетон.

Варлам Шаламов

(1907 – 1982)

Когда писатель в лагерной ушанке
на волю вышел, было так светло,
что даже звёзды – вымело метлой! –
горели днём, а солнце плыло шаньгой.

Любил рассвет и рифмы спозаранку.
Бывало, что замызганной ветлой
сор в угол заметал, больным – тепло,
тем самым их закончив перебранку.

Открыта нам колымская тетрадь.
В ней по привычке шею лекарь-брат
стянул петлёю белой – полотенцем.

Возненавидев доводы тюрьмы,
он соловьям своим к приходу тьмы
смолой янтарной смазывал коленца.